

ЛЮБИТЕЛЬСКАЯ СЦЕНА

СПЕШИТЕ ВИДЕТЬ ПЕРВЫЕ ШАГИ

Сергей ЛЬВОВ

ВСЕГДА, КОГДА прохожу по Малому Каретному переулку мимо клуба имени Н. К. Крупской, вспоминаю февральскую ночь 1940 года. Только что в этом здании состоялась премьера спектакля «Герод на заре». Она стала днем рождения нового театра — Московской театральной студии.

Спектакль начался часа на полтора позже, чем было объявлено. Зрители, с билетами и без билетов, все шли и шли, контроль превратился в чистую условность, зал наполнился так, что бледными оказались традиционные определения, вроде «яблоку негде упасть». Наконец наступила тишина, открылся занавес. Начался спектакль. Такой спектакль, что и теперь, двадцать четыре года спустя, помню его во всех подробностях. Для меня и многих моих сверстников он больше, чем театральное впечатление, он — событие жизни.

Коллективы энтузиастов, готовых репетировать по ночам и на рассвете, согласных подчинить себя самым суровым требованиям сцены, коллективы энтузиастов, идущих на то, что признание наступит потом, непременно должны появляться в живой жизни искусства. Они признают его здоровья, немислимого без обновления. Возникают такие коллективы по-разному. Одни зарождаются при уже существующих театрах, чтобы потом отпочковаться от них. Так несколько лет назад был создан «Современник». Другие рождаются в самостоятельности, внутри нее обретают свои особые качества и, не превращаясь в профессиональный театр, вносят свою красоту в палитру театральной жизни.

Вспомним блистательный спектакль «Талая любовь», которым заявил о себе студенческий театр МГУ. Многие участники коллектива, окончив университет, ушли из театра, появились новые исполнители, но студенческий театр живет, вызывает интерес и споры каждой новой работой.

Пристальный интерес зрителя к работам известных театров и актеров не мешает ему внимательно присматриваться и первым шагам театральных новородившихся, профессиональных и самостоятельных. Это бескорыстная заинтересованность людей, которые умеют в первых неуверенных шагах младенца разглядеть его будущую своеобразную походку. Очень хорошо написал об этом недавно критик В. Турбин в журнале «Молодая гвардия». В статье, которая больше похожа на письмо к другу, чем на рецензию, он рассказал о том, как попал на просмотр работ самостоятельного хореографического коллектива в клубе «Правды».

«Пошел, влекомый настояниями приятеля и еще, пожалуй, шестым каким-то чувством, инстинктом зрителя. Тем инстинктом, который побуждает, не дожидаясь советов со стороны библиографических указателей, в предвечернюю рань бежать занимать очередь у книжной лавки или, припавшая от мороза возле театрального подъезда, звать к прохожим о вожденном лишьнем билежке. Отраднo, что сейчас зритель может смотреть самостоятельность. Он уже догадался: в студенческих клубах, в молодежных кафе и на подмостках никому не ведомых театриков можно услышать и увидеть много умного, живого, творческого, интересного...»

Для тех, кому понятно такое настроение, и написаны мои заметки.

Несколько лет назад в Москве, в Сокольническом доме пионеров, шла инсценировка

ка рассказа Ларисы Исаровой «Дневник». Гас свет, и по маленькому залу проходила толпа школьников. Группами в два-три человека они поднимались по ступенькам, и каждая из этих групп на несколько секунд задерживалась перед занавесом, высеченная театральным «пистолетом». Короткая реплика, точный жест, мгновенная мизансцена давали почувствовать — сейчас перед нами в школьный класс прошли не просто два десятка старшеклассников, а два десятка характеров, и ох как не просто придется с ними молодежной учительнице. И первый выход участников, и массовые сцены «Школьный класс» и «Школьный вечер» пленяли зрителей естественностью поведения молодых исполнителей, острым режиссерским рисунком.

Все вместе было спектаклем самостоятельного драматического коллектива «Сокольники». Желторотый птенеж вылутился из драмкружка старших школьников, которых руководил студент театрального училища имени Щукина Яков Губенко. Когда участники драмкружка окончили школу и по возрасту больше не подходили к Дому пионеров, они не захотели уходить из коллектива. А руководитель, который тем временем окончил театральный вуз и ушел на профессиональную сцену, тоже не оставил своих питомцев.

С первого же знакомства мне очень понравился этот коллектив, и уж совсем своим человеком я почувствовал себя в нем, когда мои новые друзья начали работать над инсценировкой моей повести. Понятно, что этой работе я не судья, но пленительную обстановку студийности на читке и обсуждении, на репетициях и спектаклях забыть не могу. Инсценировка потребовала исполнителей более взрослых, чем те, кто составлял основное ядро кружка. С одного из московских заводов пришли и остались в коллективе молодые рабочие Геннадий Седов, Юрий Макаров, Борис Чунзев.

СЛЕДУЮЩЕЙ работой коллектива была пьеса В. Розова «В дороге». Студийцы поставили ее до того, как эта вещь, вызвавшая столько споров в печати, вышла на сцены профессиональных театров. Режиссер и исполнители подготовили свою инсценировку, а драматург ее авторизовал. Все, кому удалось увидеть спектакль, пришли к убеждению, что молодому коллективу удалось вынести на сцену самое главное и самое лучшее в пьесе — желание очень юного человека разобраться в жизни. Студийцы сумели показать, как важны для главного героя встречи в дороге с разными людьми, которые помогают ему найти свою жизненную дорогу. Зрители оценили выразительность многих сцен, но они не знали, что некоторые эпизоды (спектакль решался без декораций и буафории) звучат так убедительно потому, что их десятки раз репетировали не в зале, не на сцене, а на заброшенных железнодорожных путях или просто в вокзальной сутолоке.

Мне пришлось сказать: «те, кто видел эту работу», потому что посмотреть ее удалось, к сожалению, не многим. Центральный Дом культуры железнодорожников принял на свою сцену и в свои стены одаренных ребят и их руководителей, но не разрешил показывать зрителям спектакль «В дороге». Не разрешил и тогда, когда пьесу стали играть профессиональные театры, а работу своего воспитанника посетители и одобрили педагоги Щукинского училища. В спектакле было много интересного, много

такого, что могло вызвать споры, заставило бы серьезно задуматься и над сутью пьесы (ее достоинствами и недостатками), и над тем, как она решена в спектакле.

ИВОТ новая работа — инсценировка «Большой руды» Владимира. Долгое время студийцы играли спектакль в репетиционном зале перед десятком — двадцатью зрителями. Наконец его показали в Центральном Доме культуры железнодорожников. Позже некоторые сцены были сыграны в Сокольническом Доме журналистов на вечере театральных дебютов, затем в Центральном Доме литераторов. Выступления прошли с успехом, и, главное, стало видно — молодой коллектив ищет свои решения, которые строятся с учетом своих сил, своих возможностей. Они снова играют весь спектакль без декораций, без грима, почти без реквизита. Когда студийцам нужно изобразить, как Пронякин, который вышел в свой первый рейс, обгоняет другие самосвалы — момент, психологически очень важный в повести и в спектакле, — по сцене гуськом проходят актеры. Но они так убедительно крутят воображаемые баранки воображаемых самосвалов, так естественно качаются на воображаемых рывках, так, что резки, кто плавно, притормаживают свои воображаемые машины, что мы не только ощущаем дорогу, но понимаем: в том, как каждый из них ведет машину, скрывается не только, какой он водитель, но и какой он человек.

Пронякин (его отлично играет Борис Чунзев) движется поочередно воображаемой дороги, обгоняя цепочку воображаемых машин. Взгляд его так сосредоточен, тяжелые руки как чутко держат руль, по которому они стогоскальзили, что все сидящие в зале видят и верят, — это не просто отлично сыгранный этюд, не просто сцена, изображающая труд шоферов. Это первое столкновение интересных и сильных характеров.

Я смотрел спектакль несколько раз. Не могу утверждать, что всем зрителям одинаково понравилась эта работа. Были такие, кому она не понравилась вовсе. Впрочем, разве не бывает ягкого даже на спектаклях самых опытных коллективов? Одних не удовлетворила инсценировка, другие отметили (справедливо), что исполнителям не хватает выучки, что у некоторых слабо звучат непоставленные голоса и есть изъяны в дикции. Словом, они предъявили профессиональные претензии по профессиональному счету, и было бы странно, если бы спектакль не дал для этого поводов — и режиссер, и исполнители молоды. Но любящий, что обо всех несовершенствах речь шла в антракте. Слабость голосов и огрехи в дикции остались и во втором акте, но к концу спектакля о них почему-то уже никому не хотелось вспоминать.

В чем же секрет? Может быть, в том, что при всех замечаниях, которые могут быть справедливо высказаны дебютантам, зал почувствовал: у молодого коллектива есть своя тема — раздумья о характерах и судьбах своего сверстника — и своя манера выражения этой темы.

Раньше коллектив назывался «Сокольники». В этом имени было что-то поэтическое. Сейчас он называется пощучнее — Молодежный театр Центрального Дома культуры железнодорожников (сразу и не выговоришь). Хотелось бы, чтобы коллектив нашел имя, выражающее его суть. А пока постарайтесь увидеть его первые шаги. Всегда слешите видеть первые шаги. Следить за развитием, становлением, проверять свои предположения и надежды всегда увлекательно.